
Русские эмигранты и европейская ночь (Владимир Вейдле и Владислав Ходасевич)*

© 2020 г. В.К. Кантор

*Международная лаборатория русско-европейского интеллектуального диалога
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.*

E-mail: vlkantor@mail.ru

Поступила 21.04.2020

В статье рассматривается жизнь, судьба и отношения двух мыслителей – философа, искусствоведа, историка культуры Владимира Вейдле и поэта, эссеиста Владислава Ходасевича. На материале их работ анализируются признаки «закатного феномена»: понижение духовного и культурного уровня общества и утверждение безграничной власти идеократии. Автор разделяет соображение М. Алданова, что состояние культуры определяется уменьшением разницы в умственном росте между «массой» и «элитой», которое достигается двумя способами: либо повышением уровня «масс», либо понижением уровня «элиты». Европа XX в. определенно выбрала второй способ. Именно этот сценарий увидели в деятельности вождя октябрьского переворота в России и Вейдле, и Ходасевич. По мысли Вейдле, лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил. Ходасевич еще более резок. Ленина он не переносил еще и эстетически. Осанну Ленину спели модернисты и формалисты. А его отношение к этим направлениям было резко отрицательное. В статье разбирается претензии Ходасевича к формальной школе, его выявление связи формализма и «социального заказа» в литературе, что привело затем к литературе «соцреализма». Свою статью автор заключает архивной публикацией – письмом Вейдле Ходасевичу.

Ключевые слова: Революция, В. Вейдле, В. Ходасевич, Россия, Европа, распад культуры, поэты и мыслители, русская катастрофа, европейская ночь.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-134-144

Цитирование: *Кантор В.К.* русские эмигранты и европейская ночь (Владимир Вейдле и Владислав Ходасевич) // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 134–144.

* Статья подготовлена в результате проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Russian Emigrants and European Night (Vladimir Weidle and Vladislav Khodasevich)*

© 2020 Vladimir K. Kantor

*International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue
National Research University Higher School of Economics,
21/4, b. 1, Staraja Basmannaja str., Moscow, 105066, Russian Federation.*

E-mail: vlkantor@mail.ru

Received: 21.04.2020

The article discusses the life, fate, and relationship of two thinkers – a philosopher, art critic, cultural historian Vladimir Weidle and poet, essayist Vladislav Khodasevich. Based on their works, the article analyzes the signs of a “sunset phenomenon”: lowering the spiritual and cultural level of society and establishing the unlimited power of ideocracy. The author shares the opinion of M. Aldanov that the state of culture is determined by a decrease in the difference in mental growth between the “mass” and the “elite”, which is achieved in two ways: either by increasing the level of “masses” or by lowering the level of “elite”. Europe of the XXth century. definitely chose the second way. This scenario was seen in the activities of the leader of the October coup in Russia and Weidle, and Khodasevich. According to Weidle, the best guarantee of success for the revolution was the extermination of the ruling and cultural stratum, and Lenin received this guarantee from the people. Khodasevich is even sharper. He also did not endure aesthetically Lenin. Modernism and formalists sang Hosanna Lenin. And his attitude to these areas was sharply negative. The article examines Khodasevich’s claims to a formal school, his identification of the connection between formalism and “social order” in literature, which then led to the literature of “socialist realism”. The author concludes this article with an archival publication – a letter from Weidle Khodasevich.

Keywords: Revolution, V. Weidle, V. Khodasevich, Russia, Europe, the collapse of culture, poets and thinkers, Russian catastrophe, European night.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-134-144

Citation: Kantor, Vladimir K. (2020) “Russian Emigrants and European Night (Vladimir Weidle and Vladislav Khodasevich)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 134–144.

Вейдле был младше Ходасевича на девять лет. Но это не мешало их не просто интеллектуальному общению, а искренней дружбе, что редко бывало в эмигрантской среде. К сожалению, эмиграция пробуждает не всегда хорошие чувства, интеллектуалы чувствуют себя одинокими, чужими обществу, в которое попали, и часто входят в конфликтные ситуации друг с другом, тут и соперничество, и чувство ущемленности, и обиды, которые не снимаются родственными и семейными отношениями.

Тексты Вейдле буквально пронизаны цитатами из Ходасевича. В знаменитой своей книге «Умирание искусства» Вейдле к пятой главе, где пишет о шансах возрождения подлинного искусства, в эпиграф выносит строчки Ходасевича.

* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University and funded by the Russian Academic Excellence Project ‘5–100’.

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

[Ходасевич 2009, 151]

Начиная свою последнюю мемуарную книгу «Зимнее солнце», он вспоминает цикл стихов Ходасевича: «Я сел на белый железный стул. Сидел долго. И вдруг всплыла во мне строчка из “Тяжелой лиры” Лети, кораблик мой, лети – вот, вот: “Крепись и не ища спасенья”... Пусть останется стих этот на первой странице моей книги, – на первой странице книги, которую, наконец, пишу» [Вейдле 1976, 2]. И, может, самое важное признание: свою лучшую позднюю книгу «Задача России» (1956) Вейдле адресует своему другу: «Посвящается дорогой памяти Владислава Фелициановича Ходасевича». Скончался Ходасевич в 1939 г. Прошло 17 лет, но память о близком ему человеке Вейдле хранил.

Последний свой цикл стихов Ходасевич назвал «Европейская ночь», а у Вейдле наиболее читавшаяся в Европе книга прямо называлась «Умирание искусства». Отчаянья Ходасевича очевидно:

Лучше спать, чем слушать речи
Злобной жизни человеческой.

[Ходасевич 2009, 134]

Ходасевич, как и Вейдле, дышал сразу в двух культурах – русской классики и классики возрожденческой. Его стихи, где он призывает сон как спасение от жути жизни, мне видятся в контексте знаменитого четверостишия Микеланджело:

Отраднo спать – отрадней камнем быть.
О, в этот век – преступный и постыдный –
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Прошу: молчи – не смей меня будить.

[Микеланджело 1997, 383]

Именно это ощущение мы видим в поэтических строчках Ходасевича, который был в ужасе от «Европейской ночи». И это не ужас смерти, который пережил Лев Толстой в Арзамасе, ужас телесной смерти: когда он «видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть» [Толстой 1985, 47]. Этот животно-мистический страх перед смертью был свойственен из русских классиков, пожалуй, лишь Толстому. Пушкин и мыслители и поэты Серебряного века видели, как писал Михаил Лифшиц, щель в истории, в историческом процессе, в которую они могли углядеть то, что скрыто от глаз рядового европейского и российского жителя. И от того, что Ходасевич видел, ему, как и Микеланджело, хотелось забыться сном.

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобий,
И мягкой вечностью опять
Обволокнуться, как утробой.

[Ходасевич 2009, 179]

В европейской поэзии Возрождения они фиксировали строфы и строки, передававшие ощущение катастрофы человеческого бытия, строфы, которые прорывались за пределы бытового круга и входили в пространство, когда-то изображенное в Апокалипсисе Иоанна Богослова. А затем заново открытое в «Божественной комедии». Пушкин мечтал о стране, «где мысль одна плывет в небесной чистоте...». В поэзии Пушкина Чаадаев, потом Вейдле слышали звуки великого Данте. Ходасевич в своем гениальном стихотворении «Перед зеркалом» взял эпитафию из дантовского «Ада»: «*На середине пути нашей жизни*»:

Впрочем, – так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины – к причине,
А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.
Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, –
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.

[Ходасевич 2009, 179–180]

Вергилия действительно не было. Ад был сзади, да и впереди тоже. Была опора на себя и на близких по духу людей. Эту близость они искали. Сошлюсь на письмо Степуна Вейдле от 1 ноября 1956 г.: «Пересылаю, как обещал, мою радиорецензию на Вашу прекрасную книгу. Читая ее, установил очень большую близость наших точек зрения на Россию и ее культуру. Может быть, во мне несколько больше московской сдобы, а [в] Вас петербургского гранита¹» [Степун 2013, 262]. Их сравнивали и западные авторы, находя много общего в их позиции. Так, в рецензии на книгу Степуна «Большевизм и христианская экзистенция» («Der Bolschewismus und die christliche Existenz»), сравнивая ее с книгой Вейдле «Россия: верный и неверный путь» («Russland – Weg und Abweg», Deutsche Verlagsanstalt, Stuttgart), немецкий публицист Вольфганг Гауптман писал: «Степун считает Россию не аванпостом Азии, а, напротив, точкой опоры Европы в Азии. Он согласен с Вейдле, когда тот пишет: “В мире духовного Россия находится на обочине Европы, в мире действительного – Европа на обочине России”. Тот, кто представляет себе политическо-военно-экономическую карту нашей части света, приходит к неприятному выводу, что существование Европы очень сильно зависит от того, что Россия и Америка сделают из своего европейского наследия» [Hauptmann 1959].

Эмигранты переживали европейский слом цивилизации и культуры как часть катастрофы русской. Прекрасная формула Степуна: «Но вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так – изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, “русские европейцы”, очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в своем “Петровом окне”; ушел родной подоконник из-под локтей – ушло очарование пейзажа» [Степун 2000, 219]. И дело тут не только в послевоенной разрухе, хотя ощущение европейской катастрофы очевидно просвечивает сквозь их письма и статьи. Голод, холод в Европе напоминал им голод и холод в дореволюционной России, пережившей в сущности три катастрофы: две войны (Первую мировую, революцию и войну гражданскую). В статье «Два Гейдельберга» Степун пишет, как резко различались довоенный и послевоенный университетский город. Да и Россия раскололась на две части – до войны и революции и после. А вот из письма 1924 г. Ходасевича Вяч. Иванову: «Угнетает меня равно и то, что творится в России, и то, на что насмотрелся я здесь, в эмиграции. Там – сознательное и планомерное разрушение культуры, здесь – маразм. И там, и здесь – разительное понижение интеллектуального уровня: иначе называть не могу. И там, и здесь – грубейшее насилие над совестью и умом, затыкание ртов и все прочее. Россия раскололась пополам, и обе половинки гниют, каждая по своему. <...> Боюсь, что процесс не только русский, а всемирный, затяжной, лет на триста <...> когда людям нашего склада придется прятаться в катакомбы» [Шишкин 2002]. Как писал крупнейший исследователь творчества Ходасевича Доронченков: «Событием становилось получение 300 франков от Комитета помощи писателям и покупка на них костюма из серой, легко мнущейся ткани в магазине готового платья. Денежная взаимовыручка – рефрен переписки с Ходасевичем, по преимуществу недлинных записок-пневматичек: “Дорогой Владимир Васильевич, в пропавшем письме я писал, что не смогу дать Вам денег, ибо получил бумагу о квартирном налоге

(400 франков) и на днях получу о подоходном (600). Однако, порассчитав, вижу, что могу дать вам 200 франков, но до 1 октября, когда вы обязуетесь оные вернуть, хоть со дна морского»» [Доронченков 1996, 209]. Трогательно воспоминание Нины Берберовой: «На улице Ламбларди мы находим наш первый “дом”. Как муравей, я волочу в него то стол, то книжную полку; надматрасников нет, но есть уже утюг, есть два стула, сковородка и метла. По воскресеньям во двор приходит шарманщик, и я бросаю ему су. У нас есть теперь три вилки, и когда Вейдле приходит, мы втроем обедаем» [Берберова 2014, 281]. Прошло несколько лет, и в 1932 г. Берберова, устав от неприкаянности поэта, сказала, что остается ему другом, но жить с ним больше не будет. Ходасевич, тем не менее, держался, верил в себя, нашлась и женщина (Ольга Марголина), которая разделила с ним последние годы его нищеты. Да богатства он и не искал. Есть, слава Богу, в мире люди, не ищущие карьеры и преуспевания.

Прав поэт Наум Коржавин:

Не кормились – писали,
Не о муках – о деле,
Не спасались – спасали,
Как могли и умели.
Не себя возносили
И не горький свой опыт –
Были болью России
О закате Европы.
Не себя возносили,
Хоть открыли немало, –
Были знаньем России!..
А Россия – не знала.

[Коржавин 1992, 85]

Перед эмигрантами открылся не умозрительный – шпенглеровский – закат Европы, а реальный прочувствованный экзистенциально, «на собственной шкуре». Поскольку и для Вейдле, и для Степуна, и для Ходасевича Россия – это часть Европы, то, как они понимали, закат Европы начался с заката России. С чего начался закат? Кажется, это можно определить (спустя годы) достаточно просто: понижение духовного и культурного уровня страны для утверждения безграничной власти идеократии. По резонному соображению Марка Алданова, культурный прогресс сводится к уменьшению разницы в умственном росте между «толпой» и «элитой». Но это уменьшение может быть достигнуто повышением уровня толпы и понижением уровня «элиты». Но человечество в последнее время идет по второму пути много охотнее, чем по первому. Именно это направление увидели в деятельности вождя октябрьского переворота и Вейдле, и Ходасевич. Начну с профессорского тона Вейдле:

«Ту революцию, что в России удалась, сделал не Маркс и не Плеханов: она идет <...> от пафоса отрицания. Недаром изъятие Бога и отметание всех духовных ценностей (т.е. таких, которые не сводятся к практической выгоде для особи или общества) есть основной догмат русского коммунизма в гораздо большей мере, чем все специфически марксистские догматы: этим он изменял не раз, тому всегда оставался верен. Для Ленина марксизм был только орудием, которым он пользовался с большим искусством для своей настоящей цели – разрушения. Ленин хотел революции не ради каких-нибудь ее целей, а прежде всего ради нее самой, и сделал ее он, а не другие, именно потому, что другие хотели ее и еще чего-нибудь в придачу, а он – ее и ее одну <...> Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил» [Вейдле 1956, 101–102].

Ходасевич, пожалуй, еще более резок. Ленина он не выносил еще и эстетически, поскольку осанну Ленину спели модернисты и формалисты, с которыми он всю жизнь боролся. Когда вместо содержания основой произведения становилась форма, то дальше закономерно они получали так называемый «социальный заказ», который могли

оформить. Так начинался соцреализм. Ходасевич в статье «Язык Ленина» писал: «Едва ли не главное свойство ленинского ума – необычайная сила, с которой он умел все трехмерное сводить к двум измерениям. Попадая под этот паровой молот, любая идея расплющивалась, делалась плоской. Ленин был великий огрубитель и опошлитель. Вот почему, вечно орудуя с марксизмом, он добился-таки того, что даже марксизм нам кажется бесконечно более тонким, глубоким, аристократическим, нежели ленинизм. Мысль Ленина всегда сильна и всегда вульгарна» [Ходасевич 2010, 306].

Понижение духовного уровня связано с уничтожением тех, кто держал в стране духовный уровень. Профессорскому сословию досталось больше прочих. Вот слова крупнейшего русского социолога Питирима Сорокина: «Смертность профессуры за 1918–1922 гг. была в 6 раз выше смертности мирного времени и вдвое выше смертности остального населения Петрограда в 1918–1922 гг.» [Сорокин 2008, 193]. Это происходило с негласного разрешения Ленина, который перевел жизнь интеллектуальной элиты на жизнь по пайкам, которые давались либо всемирно известным, либо верно служащим. Причины такого погрома Бердяев увидел, как ни странно, в слабой философской подготовке Ленина. По словам Бердяева, «Ленин философски и культурно был реакционер, человек страшно отсталый, он не был даже на высоте диалектики Маркса, прошедшего через германский идеализм. Это оказалось роковым для характера русской революции – революция совершила настоящий погром высокой русской культуры» [Бердяев 1991, 151].

А ошалевшие молодые радикалы (как говорил Троцкий, «молодежь это барометр революции») призывали к уничтожению всей мировой классики. Маяковский писал в стихотворении «Радоваться рано!» (1918):

Белогвардейца найдете
– и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
Пулям
по стенке музеев тенькать.
...
А почему
не атакован Пушкин?

[Маяковский 1956, 2, 16]

Социальный заказ формалисты, вчерашние футуристы, далее левовцы (левый фронт) выполняли с самого начала, о чем с неприкременной злостью написал Ходасевич: «Ораторский и литературный стиль Ленина вполне, конечно, соответствовал основным свойствам его ума. Стремление к огрублению, презрение к эстетике (может быть, незнание о ней), полемическая хлесткость невысокой цены – вот главнейшие черты ленинского стиля. <...> Поэтому, несомненно, покойник немало бы посмеялся, если бы узнал, что через несколько месяцев после его смерти найдутся люди, которым придет в голову благоговейно изучать. <...> Высылая писателей и ученых из России, Каменев сказал свою знаменитую фразу: “Упрямых вышлем, а прочих купим”. Ныне из числа невысланных выступило шесть представителей “науки” – с благонамеренной целью открыть высокие достоинства ленинского стиля. Шесть представителей так называемого “формального метода” (Шкловский, Эйхенбаум, Тынянов, Якубинский, Казанский и Томашевский) напечатали на сию тему ряд статей в литературно-чекистском журнале “Леф”» [Ходасевич 2010, 307]. Фюрера русской революции, выдвинувшего лозунг «грабь награбленное», ставили в контекст великих писателей, о которых они писали, но Леф дал пространство для этих псевдоисследований. И резонный вывод Ходасевич делал о лидере левых:

«Маяковский – поэт революции”. Ложь! Он так же не был поэтом революции, как не был революционером в поэзии. Его истинный пафос – пафос погрома, то есть

насилия и надругательства над всем, что слабо и незащищено, будь то немецкая колбасная в Москве или схваченный за горло буржуй. Он пристал к октябрю именно потому, что расслышал в нем рев погрома:

Ешь ананасы,
Рябчиков жуй, –
День твой последний приходит, буржуй!»
[Ходасевич 2002, 283–284].

Конечно, Ходасевич поддержал, не мог не поддержать книгу Вейдле об умирании искусства, увидевшего уход духовности из искусства, он писал о младшем друге: «Общезвестно, что книги русских писателей-эмигрантов редко находят себе иностранных, в частности – французских издателей, а если находят, то с великим трудом и не сразу. С книгой В.В. Вейдле “Умирание искусства” случилось обратное: ее французский перевод (под заглавием “Les Abeilles d’Aristée”) на целый год опередил появление русского подлинника» [Там же, 400]². Как замечает Ходасевич, «не отсутствие дарований, не упадок мастерства приводит Вейдле к его мрачным выводам. Напротив, он отмечает большое количество высокоодаренных художников во всех областях нынешнего искусства. Что до мастерства – оно порой достигает изощренности совершенной. Дело вообще не в качественном уровне, который принадлежит к явлениям случайным и преходящим. Качественный уровень современной “продукции” во всех областях искусства мог бы быть и ниже, чем он есть, и все-таки могло не быть оснований для той тревоги, которую нам внушает общее состояние современного искусства. Его упадок имеет признаки и причины несравненно более глубокие и органические» [Там же]. Главное – отсутствие собственное духовности, отсутствие Бога, который не только в Совдепии отрицался, но и в Европе его образ померк. И он заключает: «Ряд страниц посвящает Вейдле примерам того, с какими мучительными усилиями современное искусство ищет выхода из своего трагического положения. Быть может, эти страницы – лучшие, самые значительные в его книге. Они исполнены не только знания, пронизательности, ума, но и сильного чувства. Именно они делают особенно убедительным заключительный вывод автора – о том, что искусство может спастись лишь в том случае, если сумеет восстановить свою связь с религией» [Там же, 402].

Ходасевич последние годы своей жизни писал мало стихов, занимаясь, как говорили современники, литературной поденщиной. Он действительно ушел в прозу, создал потрясающий роман-исследование «Державин», готовил книгу о Пушкине (остался цикл статей), которую от него ждали немногие друзья, написал блистательный мемуарный цикл «Некрополь», рассказав точно и горько о поэзии и поэтах начала века: Нина Петровская («Конец Ренаты»), Андрей Белый, Брюсов, Муни, Гумилев и Блок, Гершензон, Сологуб, Есенин, Горький. Как писал Вейдле, надо бы запретить пишущим о начале века писать, не зная этой книги Ходасевича. Если же говорить о поденщине, то это отзвывы на книги – стихи и прозу – его современников. Но это была особая поденщина: Ходасевич писал только то, что думал, не подлаживаясь к вкусам издателей, не щадя тех, о ком писал.

Именно это подчеркивал в творчестве своего покойного друга Владимир Вейдле:

«Я был на девять лет моложе, прежнего его мира не знал, в литературе был новичком. Не говорю о разнице характеров: она дружбе скорее помогает; но и наши вкусы, наши жизненные привычки были во многом различны. Все же, думаю, он согласился бы сказать, что я был ему другом. Был и он мне другом. Лучшего друга никогда у меня не было. Утверждали, что у него был “тяжелый характер”. Больше того: называли его злым, нетерпимым, мстительным. Свидетельствую: был он добр, хоть и не добродушен, и жалостлив, едва ли не свыше меры. <...> От многих других литераторов отличался он тем, что литература входила для него в сферу совести так же, если не больше, чем любые жизненные отношения и поступки <...> Чувствителен он был и к нападкам на себя, но преимущественно к таким, в которых распознавал

мотивы низменные, литературские, но внелитературные. Почуя их, он терял чувство меры, он становился сам несправедлив <...>, боясь больше всего, как бы родной его дом, единственный, который у него остался, дом русской литературы, не превратился в дом терпимости» [Вейдле 1973, 47–49].

И жизнь, и смерть его были тяжелы и трагичны. Кстати, именно Вейдле активно помогал Нине Берберовой и Ольге Марголиной (его последней жене) с похоронами поэта: «В 7.30 утра мы были уже в клинике (14 июня). Он умер в 6 часов утра, не придя в сознание. <...> Лицо его странно и сразу изменилось. Нос заострился. Челюсть была подвязана. Мы пробыли часа два. Приехал В.В. Вейдле с католическим священником восточного обряда. Потом после панихиды, я ушла: в похоронное бюро, в полицейский участок, в “Последние новости” дать объявление» [Берберова 2014, 458–459]. Духовную близость Вейдле и Ходасевича отмечали и современники и нынешние исследователи. Как пишет Сергей Федякин, «наверное из всех современников особую почти интимную любовь к этой лирике (Ходасевича. – В.К.) испытывал только Владимир Вейдле. <...> Именно суховатый, педантичный и “напитанный” мировой культурой критик сумел расслышать и приглушенную музыку, и слабо пульсирующую, но живую ритмику стиха. Но для этого ему понадобились и долгие годы дружбы с поэтом» [Федякин 2002, 9–10]. Повторю, что в этом тандеме Вейдле был младший, но оба были люди большой мировой культуры, чувствовавшие умирание христианско-европейского искусства. Трагедия его жизни словно не имела конца. Его последняя жена, Ольга Марголина, была еврейка. Когда немцы вошли в Париж, они потребовали, чтобы все евреи одели желтую звезду. Ольга Марголина надела и через небольшое время была арестована. Если верить Берберовой, она изо всех сил пыталась вытащить Ольгу из гестапо. Но гестаповец, когда она стала доказывать, что Ольга христианка, ответил спокойно: «Дело не в религии. Дело в расе» [Берберова 2014, 462]. Наступала эпоха чумы, о которой вскоре напишет Альбер Камю. Ольга Марголина погибла в Аушвице.

После кончины Ходасевича Владимир Набоков написал: «Крупнейший поэт наше-го времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней» [Набоков 1939, 262]. Сам Ходасевич, несмотря на свое духовное одиночество, сознавал свое скромное значение. Одно из своих итоговых стихотворений он назвал «Памятник» (1928), отсылая читателя к стихотворению Пушкина:

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастье дано
В России новой, но великой
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

[Ходасевич 2009, 316]

Как заметил С.Г. Бочаров, «одиночество на перекрестке, нет “народной тропы”, гласа “языков”, что-то вроде “степного”, “скифского” идола» Этот поэт, гордость русской поэзии, не пережил европейской ночи, в которую его забросила судьба. Ирина Муравьева, автор, наверно, лучшей биографии Ходасевича, заключает ее такими словами (после посещения могилы поэта): «Теперь креста нет, он сменен на плоский камень. Когда, кем? Но оказалось, когда присмотрелись, – не такой уж плохой, светлосерый в крапинку гранит, аккуратный, ровный. На нем небольшой темный металлический крест лежит, прикреплен сбоку, и выбиты буквы – надпись по-французски и по-русски: “Русский поэт Владислав Фелицианович Ходасевич”. Правда, позолота на буквах сильно подстерлась, поэтому мы и проходили мимо. На камне – букет искусственных цветов, еще какая-то керамическая штучковина, изображающая, по-видимому,

тоже цветов, но она отвалилась и лежит на боку. В общем, все более или менее в порядке, все как у всех на этом каменном и скучном кладбище...

Отчего же такое ощущение заброшенности? Наверно, оттого, что лежит он совсем один под этим плоским камнем. <...> Все русские – на Сент-Женевьев-де-Буа, а он умер раньше всех, возможно, тогда и Сент-Женевьев еще не было... Он здесь один. И словно так и должно было быть...» [Муравьева 2013, 261].

Муравьева в заключение своей книги вспоминает слова Берберовой из некролога Ходасевичу, что примириться с изгнанием Ходасевич никогда не мог, поэт, уважавший Европу, но так и не полюбивший ее. Он любил Россию, которой был лишен. Но что в ней любил? Русский язык, русский гений, русскую поэзию, русскую гибель... Человек нерусской крови, верующий католик, он был величайшим и многозначительнейшим подтверждением России как самостоятельного и целостного мира, где еврей, поляк, армянин, калмык с удивительной и необъяснимой силой делают сынами одной грозной, обожаемой и одновременно презираемой матери.

* * *

Ходасевич не позволял себе жалоб на трудности жизни. Разве что в письмах Берберовой и Вейдле, и то тон был при этом шуточный. Одно из них написано 22 июля 1935 г.

«...А я-то думал, дорогой Владимир Васильевич, что Вы с арфой в руках скитаетесь между скал и озер, и на каждой скале Вальтер Скотт, а в каждом озере – семейство ихтиозавров! А Вы, оказывается, в центре культуры и прогресса. Хорошо еще, что сидите в оазисе! Не выходите из него. – Ваше письмо меня очень тронуло – кроме Вас, никто обо мне не вспомнил. Вы, впрочем, неверно себе представляете мое времяпровождение. Я не сижу в “Мюрате” – ни в подвале, ни наверху. Я уже четверо суток просто не выхожу из дому, и оброс бородой, и не вижу никого, кроме Ольги Борисовны (коя Вам кланяется). Делается это ради экономии, которая будет длиться очень долго** . (О причинах расскажу при свидании.) Следственно, ехать я никуда не могу. Мы вдвоем тратим в день 25 франков, включая папиросы и прочее. Таких пансионеров в природе нет. Настроение у меня плохое. Руки болят, и фурункулез появился. Всего хорошего.

В. Х.

Комментарии

* “Мюрат” – кафе, часто упоминаемое в “камерфурьерском” журнале Ходасевича (здесь составлялись партии в бридж) описано в прозаическом отрывке «Атлантида».

** Безденежье постоянно мучило Ходасевича в эмиграции. См. отчаянное письмо к секретарю Союза писателей и журналистов В.Ф. Зеелеру от 14 апреля 1930 г. о невозможности вернуть ссуду: “Обстоятельства мои исключительно тяжелы. Я не получал и не получаю никаких субсидий от иностранных правительств. В пользу мою ни разу не было устроено ни одно из развлечений, устройством которых общество поддерживает писателей гораздо более обеспеченных, чем я, и гораздо менее работающих. <...> Но мне надо сию минуту садиться за очередную статью – о медленном самоубийстве Поплавского и, быть может, о том, что самоубийство есть последнее прибежище пишущих писателей, т.е. живущих работой, а не рекламой”» [Ходасевич web].

* * *

Мне посчастливилось в Бахметевском архиве найти ответное письмо Вейдле [Bakhmeteff Archive], может, и не на это послание, но, видимо, на аналогичное, и в том же году:

Wallsend, England, 8 Sept. 1935

Дорогой Владислав Фелицианович,

Такое горькое и страшное письмо Вы мне прислали, как темно у Вас должно быть на душе. Я чувствовал и раньше, все последнее время, что Вам тяжело, как никогда; этим всегда объяснял себе и бридж, и то, что так трудно Вам писать «Пушкина»; и все-таки ясно я не видел то, что вижу теперь в Вашем письме. Конечно, Вы клеветеете на себя: прежний Ходасевич куда не исчез, – только бы у Вас хватило сил его вызвать и к нему вернуться. Но все равно дело не в Вашей правоте, не в верности того, что вы чувствуете, а в том, что Вы чувствуете именно это, и потому так мучаетесь. Чем Вам помочь не знаю, а если бы знал, многое бы отдал, чтобы Вам помочь. Знаю только, что может наполовину то внешнее виновато, а наполовину, что-то внутри Вас, к чему не то, что мне, а, быть может, и Вам самому нет доступа. Неужели не можете Вы повер<и>ть хоть в книгу о Пушкине, которую Вы могли бы – и можете – так прекрасно написать, в свое дело на земле, которое Вам нужно сделать?

Милый, дорогой мой друг, да хранит Вас Бог, в которого мы с Вами плохо верим. Я за Вас молюсь, как умею, уже много лет, но, конечно, не многого стоит молитва человека, который сам только и висит на одном: «верую, Господи, помоги моему неверию»⁵.

Обнимаю Вас.

Примечания

¹ Речь идет о книге: Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1956. Там говорится (в очерке «Петербургские пророчества») о разнице московского и петербургского начала. На этой теме и играет Степун, говоря о себе, как о москвиче, а о Вейдле, как о петербуржце.

² Стоит отметить, что французский вариант книги Вейдле вызвал большой интерес у западных мыслителей и писателей. Он читал отрывки из нее в доме Габриэля Марселя, слушавший их Жак Маритэн предложил издать книгу в его серии. После выхода книги крупные западные писатели (Герман Брох, Бернард Беренсон) прислали ему восторженные письма.

⁵ Скрытая цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева.

Источники – Primary Sources in Russian, Russian translation and German

Bakhmeteff Archive – Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Weidle. Box 2. Weidle, Vladimir. To Vladislav Felitsianovich Khodasevich.

Hauptmann, Wolfgang (1959) *Gehört eigentlich Rußland zu Europa? Eine alte Frage neu beantwortet – Christentum und Bolschewismus*, Der Mittag, Düsseldorf, 31.10.1959.

Берберова 2014 – Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М.: АСТ, 2014 (Berberova, Nina N. *The Italics Are Mine*, in Russian).

Бердяев 1991 – Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991 (Berdyayev, Nikolai A. *Self-Knowledge: An Essay in Autobiography*, in Russian).

Вейдле 1956 – Вейдле В.В. Три России // Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956 (Weidle, Vladimir V. *Russia's Task*, in Russian).

Вейдле 1973 – Вейдле В.В. Ходасевич издали-вблизи // Вейдле В.В. О поэтах и поэзии. Париж: УМСА-Press, 1973 (Weidle, Vladimir V. *Khodasevich from Far and Near*, in Russian).

Вейдле 1976 – Вейдле В.В. Зимнее солнце. Из ранних воспоминаний. Вашингтон: Victor Kamkin Inc., 1976 (Weidle, Vladimir V. *Winter Sun. From Early Memories*, in Russian).

Коржавин 1992 – Коржавин Н.М. Время дано. Стихи и поэмы. М.: Художественная литература, 1992 (Korzhevain, Naum M. *The Time is Given. Verses and Poems*, in Russian).

Маяковский 1956 – Маяковский В.В. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 2: Стихотворения, поэма и пьесы 1917–1921 годов. М.: ГИХЛ, 1956 (Mayakovsky, Vladimir V. *Verses, poet and plays of 1917–1921*, in Russian).

Микеланджело 1997 – Микеланджело Буонарроти. Неизмеримы гения деянья. Стихотворения / Пер. А.Б. Махова. М.: Летопись, 1997 (Michelangelo Buonarroti, *Poems*, Russian Translation).

Набоков 1939 – Набоков В.В. О Ходасевиче // Современные записки. 1939. Кн. LXIX. (Nabokov, Vladimir V. *On Khodasevich*, in Russian).

Сорокин 2008 – *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: Астрель, 2008 (Sorokin, Pitirim A. *The Sociology of Revolution*, in Russian).

Степун 2000 – *Степун Ф.А.* Соч. (сост., предисл. и коммент. В.К. Кантора). М.: РОССПЭН, 2000 (Stepun, Fyodor A. *Works*, in Russian).

Степун 2013 – *Степун Ф.А.* Письма / Сост., вступ. ст. к тому и разделам В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013 (Stepun, Fyodor A. *Letters*, in Russian).

Толстой 1985 – *Толстой Л.Н.* Записки сумасшедшего // *Толстой Л.Н.* Собр. соч. В 22 т. Т. XII. М.: Художественная литература, 1985 (Tolstoy, Lev N. *The Notes of a Madman*, in Russian).

Ходасевич 2002 – *Ходасевич В.Ф.* Перед зеркалом. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002 (Khodasevich, Vladislav F. *In Front of the Mirror*, in Russian).

Ходасевич 2009 – *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч. В 8 т. Т. 1: Полн. собр. стихотворений. М.: Русский путь, 2009 (Khodasevich, Vladislav F. *Poems*, in Russian).

Ходасевич 2010 – *Ходасевич В.Ф.* Язык Ленина // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч. В 8 т. Т. 2. М.: Русский путь, 2010 (Khodasevich, Vladislav F. *Lenin's Language*, in Russian).

Ходасевич web – Письмо В.В. Вейдле. 22 июля 1935 г. web // <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/pisma/pismo-102.htm> [Khodasevich, Vladislav F. *Letter to V.V. Weidle. July 22, 1935*, in Russian].

Ссылки – References in Russian

Доронченков 1996 – *Доронченков И.А.* Владимир Вейдле. Путь к книге // *Вейдле В.В.* Умирание искусства. СПб.: Аxiома, 1996. С. 195–239.

Муравьева 2013 – *Муравьева И.А.* Жизнь Владислава Ходасевича. СПб.: Крига, 2013. С. 261–262.

Федякин 2002 – *Федякин С.Р.* Трагический Сальери // *Ходасевич В.Ф.* Перед зеркалом. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 5–16.

Шишкин 2002 – *Шишкин А.Б.* «Россия раскололась пополам»: неизвестное письмо Вл. Ходасевича // *Russica Romana*. Pisa; Roma, 2002. Vol. IX. P. 107–114.

References

Doronchenkov, Ilya A. (1996) “Vladimir Weidle. A way to the Book”, *The Dying of Art*, Axioma, Saint-Petersburg (in Russian).

Fedyakin, Sergey R. (2002) “Tragic Salieri”, *In Front of the Mirror*, OLMA-PRESS, Moscow (in Russian).

Murav'yeva, Irina A. (2013) *Life of Khodasevich*, Kriga, Saint-Petersburg (in Russian).

Shishkin, Andrey B. (2002) “*Russia Split in Half*: an Unknown Letter from Vl. Khodasevich”, *Russica Romana*, Pisa, Roma, IX, pp. 107–114 (in Russian).

Сведения об авторе

КАНТОР Владимир Карлович – доктор философских наук, ординарный профессор, заведующий Международной лабораторией исследования русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's information

KANTOR Vladimir K. – DSc in Philosophy, Professor, Faculty of Humanities, School of Philosophy, Laboratory Head, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics.